

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

КУРБАТОВА МАРГАРИТА ВЛАДИМИРОВНА,

*доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой экономической теории
Кемеровского государственного университета.
Электронный адрес: kmv@kemsu.ru*

Статья посвящена исследованию институциональной среды современной российской экономики. Анализируются проблемы сегментации и локализации институциональной среды российской экономики, рассмотрены также и на примере социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: *постиндустриализация; институты; социально-трудовые отношения.*

The article focuses on the institutional environment of modern Russian economy. The author analyzes the segmentation problems and the institutional environment localization of Russian economy, considered as the example of social-labor relations.

Keywords: *postindustrialization; institutions; social and labor relations.*

Коды классификатора JEL: *B52, J50.*

1. ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: И МИФ, И РЕАЛЬНОСТЬ

В современной России человека, посмеявшегося усомниться в том, что первым вопросом в повестке дня социально-экономического развития страны стоит вопрос о механизмах создания «общества, основанного на знаниях», сочтут ретроградом. Задачи запуска механизмов инновационного развития и интеграции российской системы образования в европейское образовательное пространство овладели умами российской политической элиты и начинают воплощаться в политических решениях. Одновременно с этим российская элита упорно продолжает по существу игнорировать ряд проблем другого уровня. Речь идет о катастрофическом износе имеющейся инфраструктуры и ее неадекватности задачам социально-экономического развития и управления экономикой России. Кроме того, экономическое освоение огромного пространства, на котором расположены колоссальные запасы природных ресурсов, также отодвигается на дальний план. В контексте перехода на инновационный путь развития оно представляется как продолжение прежней линии эксплуатации природно-ресурсного потенциала российской экономики, не соответствующее требованиям современной экономики.

Постиндустриализация, развитие сферы услуг, защита интеллектуальной собственности, развитие гибких рынков труда и гибких трудовых отношений, повышение международной конкурентоспособности российских вузов, обеспечение академической мобильности для студентов и преподавателей — все это задвигает в самый дальний угол проблемы доиндустриализации («новой индустриализации») страны, масштабного развития ее инфраструктуры, защиты прав собственности на природные богатства страны, развития кадрового потенциала российской промышленности и создания мощной системы государственной защиты интересов и прав наемных работников. Актуальные для современного развития России вопросы подменяются вопросами важными, но все же не первоочередными, внимание политиков рассеивается, время уходит.

В основе подобной подмены повестки дня лежат два взаимосвязанных стереотипа, сформировавшихся как у основных субъектов экономической политики России, так и у

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 07-06-96033.

экспертного сообщества, представленного преимущественно столичными исследователями. Первый стереотип состоит в том, что современные экономические достижения Запада представляются как единственно возможный «образец». В результате повестка дня для США и Европы некритично воспринимается как повестка дня вопросов, подлежащих скорейшему решению в России. «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее будущего» (Маркс, 1978, 9), — этот тезис К. Маркса освоен российской политической элитой на «отлично». Однако сам К. Маркс, в отличие от «марксистов», «картиной будущего» современность не подменял. Кроме того, создавая теоретическую систему функционирования капиталистического способа производства, он не подменял ею реальную экономическую систему, в которой видел переплетение разных экономических укладов.

Подобный стереотип ведет к формированию мифа о том, что посредством заимствования качественных (эффективных) институтов западного типа можно успешно обустроить собственную страну и совершить рывок в светлое, «западное» будущее. Соответственно, «неправильные» отечественные институты должны быть свернуты, как тормозящие поступательное развитие страны.

Второй стереотип восприятия экономической действительности основан на непространственном видении происходящих экономических процессов. К методологическим основам неоклассики восходит представление об экономике как о потоке экономических действий рациональных хозяйствующих субъектов, принимающих решения о способах использования ограниченных ресурсов². И хотя в альтернативных основному течению экономической теории направлениях, а также в экономической социологии и теориях размещения экономика (хозяйство) предстает иначе, подход, позволяющий рассматривать пространство хозяйственной жизни через призму доступности тех или иных ресурсов, затрат их вовлечения в хозяйственный оборот, стал определяющим.

Подобный стереотип ведет к созданию мифа о том, что для успешного социально-экономического развития страны необходимо и достаточно обеспечить защиту прав собственности и снять барьеры мобильности для движения товаров, услуг и ресурсов. Непространственные микро- и макроэкономические модели создают иллюзию того, что, задавая «правила игры», государство может добиться от рационально действующих хозяйствующих субъектов того результата, на который рассчитывает. И это в какой-то степени возможно, если экономическое пространство страны хорошо организовано, пронизано плотной инфраструктурной сетью, а институциональная среда — однородна. Но ведь для России, как и для многих других стран, эти условия не действуют.

Условия экономической деятельности и жизни в столице России — в Москве, которые формируют представление о происходящих экономических процессах у политической элиты и у столичного экспертного сообщества, существенно отличаются от тех, которые сложились в разных регионах страны. Москва практически уже встроилась в сеть потоков информации и ресурсов, организующую постиндустриальное общество³. Она становится мощным узлом глобальной экономики, регулирующим эти потоки. В этом своем качестве она интегрирует «функции высшего уровня, в смысле власти и компетенции», генерирует знание и информационные потоки.

Реальные для Москвы проявления постиндустриализма (уровень распространения информационных технологий, характер занятости, поведенческие стратегии хозяйствующих субъектов и т. п.) за ее пределами оказываются лишь «картинами будущего», не имеющими для повседневной экономической жизни и актуальных вопросов ее преобразования почти никакого практического значения. И этот разрыв создает серьезные риски для социально-экономического развития России.

Как экономический центр страны, Москва концентрирует контроль над собственностью, притягивает финансовые и трудовые ресурсы. Она призвана организовывать внутрироссийскую сеть потоков ресурсов и таким образом обустроить экономическое пространство страны исходя из внутренних потребностей ее регионов. А это обустройство

² Как отмечает М. Блауг, «не будет преувеличением сказать, что основное течение экономической науки вплоть до 1950 г. действительно ограничивалось анализом экономических явлений вне их пространственных характеристик» (Блауг, 1994, 568).

³ Здесь мы используем идею М. Кастельса о пространстве потоков, характерных для информационной экономики (Кастельс, 2000).

требует «новой индустриализации» России⁴, масштабного развития ее инфраструктуры, защиты прав собственности на природные богатства страны, развития кадрового потенциала российской промышленности и т.п.

В качестве узла глобальной экономики Москва выполняет иные функции. Как отмечает М. Кастельс, «глобальный город — это не место, а процесс. Процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местного общества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальной сети на основе информационных потоков, одновременно обрывая связи с районами, удаленными от промышленного центра» (Кастельс, 2000, 363). В условиях фактической неразвитости внутрироссийской сети движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, становящиеся в России узлы глобальной экономики все теснее интегрируются в глобальное экономическое пространство, отрываясь еще более от потребностей развития других территорий страны.

В интересах повышения собственной конкурентоспособности Москва и другие лидеры постиндустриализации следуют внешней повестке дня и ставят вопросы о введении мер по защите интеллектуальной собственности, стимулированию инновационного развития, усилению гибкости рынков труда и трудовых отношений, интеграции в европейское образовательное пространство. Другие проблемы социально-экономического развития страны воспринимаются ими как второстепенные, решение которых будет найдено само по себе, на пути к «экономике, основанной на знаниях».

Подобное двойственное положение столицы в потоке информации и ресурсов современной мировой экономики обуславливает тот факт, что страна остается без стратегии собственного экономического развития, а в реальной экономической политике сочетаются периодическое «тушение пожаров» (борьба с инфляцией, национальные проекты в социальной сфере и в сельском хозяйстве) с разработкой программ запуска механизмов инновационного развития и реформы системы образования на принципах Болонского процесса. Однако если в экономике России так и останется низким спрос на инновации и на работников нового типа, то и человеческие ресурсы, и инновационные продукты, произведенные на территории страны и за счет ее бюджетных средств, по уже существующим и создаваемым каналам беспрепятственно перетекут в другие страны. Дело в том, что целостная национальная инновационная система не может быть создана, если отсутствует внутренний спрос бизнеса и населения на инновации. Возникновение же этого спроса связано с появлением масштабных инфраструктурных проектов и проектов «новой индустриализации» страны, с ростом реальных доходов и качества жизни населения страны.

Идущая научно-техническая революция создает новые центры власти и принятия экономических решений, в которых концентрируется производство нового знания и информации. Однако сами по себе, вне индустриального базиса, эти центры не в состоянии обеспечить жизнедеятельность общества. Их реальная роль заключается в создании новых технологий для сферы материального производства и в последующем распределении, перераспределении благ и ресурсов, их доведении до конечного потребителя. Конкурентоспособность постиндустриального производства держится на его возможностях в создании новых технологий и на выстроенных каналах связей производства и потребления. Таким образом, постиндустриальный сектор определенной страны либо способствует повышению конкурентоспособности сельскохозяйственного и промышленного производства национальной экономики, либо работает на усиление оттока ее ресурсов в другие страны. Возможность его независимого от состояния других секторов развития — это миф, неявное заблуждение его творцов (а может быть, и сознательное манипулирование общественным мнением в интересах соответствующего перераспределения ресурсов общества).

2. СЕГМЕНТАЦИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

С институциональной точки зрения отличительные черты постиндустриальной экономики должны проявиться в изменении ценностей и норм поведения хозяйствующих субъектов, в смене индивидуальных стратегий их экономического поведения в различных сферах (в производстве, в трудовых отношениях, в отношениях собственности, в потреблении и т.п.), а также в изменении правил, регулирующих эти действия (формальных и

⁴ Как отмечает Р.М. Нуреев, «очевидно, что далеко не для всех стран и народов (в том числе и для нашей страны) индустриальная парадигма полностью исчерпала себя» (Нуреев, 2005, 205).

неформальных институтов). Общераспространенным является представление о том, что это — ценности, нормы и институты, которые обеспечивают хозяйственному субъекту свободную контрактацию, мобильность и возможность выбора среди различных стран наиболее благоприятных хозяйственных условий для своей деятельности. Подобный «идеал» эффективных институтов оказывается трудно достижимым даже для развитых стран, в последнее время даже усиливающих барьеры для свободного движения капиталов с целью защиты национальных интересов. В странах же, не завершивших модернизацию собственной экономики, институциональная среда объективно оказывается еще дальше от подобного идеала.

Институциональная среда⁵ российской экономики в настоящее время представляет замысловатую мозаику локальных институциональных сред⁶, которые различаются как по реализуемым индивидами экономическим стратегиям, так и по регулирующим их поведение нормам. При этом различие между локальными институциональными средами прослеживается по двум основным линиям.

Во-первых, они оказываются разнотипными с точки зрения целевой функции хозяйственных субъектов: ориентированными на выживание или на развитие; ориентированными на традиционный или инновационный путь развития, мобилизующими ресурсы традиционного типа или ресурсы производства нового знания и информации. Так, П. Маршан и И. Самсон отмечают, что для России характерен «структурный дуализм», обусловленный историей: «Модернизация российского общества и его экономики всегда происходила под воздействием внешних факторов, вследствие чего она получила ограниченное распространение по обширной российской территории, немалая часть которой остается в стороне от новых веяний» (Маршан и Самсон, 2004, 12).

Во-вторых, институциональные среды различных регионов страны, однотипные по существующим нормам поведения и правилам, регулирующим взаимодействие экономических субъектов, локализованы с точки зрения укорененности экономических действий хозяйствующих субъектов в разных, слабо пересекающихся социальных сетях и в хозяйственной культуре, сложившейся на определенной территории.

Разнотипность локальных институциональных сред не имеет конкретной территориальной привязки, она прослеживается в пространстве потоков ресурсов и информации. Соответственно, в российской экономике выделяется формирующаяся сеть постиндустриальной экономики, узлами которой, ставшими или формирующимися, являются крупные российские технополисы (Москва, отчасти — Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород, Новосибирск и т.п.) и рассредоточенные по территории страны научно-образовательные и научно-производственные центры (например, наукограды).

В настоящее время институционализация российской сети потоков ресурсов и информации между этими узлами происходит очень медленно, они, скорее, сразу встраиваются в глобальную сеть. Это связано с тем, что российские центры постиндустриальной экономики не находят масштабного спроса на свои разработки и услуги внутри страны. Тем не менее индивидуальные экономические стратегии хозяйствующих субъектов в этих слабо интегрированных центрах достаточно сходны: преобладает ориентация на инвестиции в человеческий капитал, на мобильность, на повышение уровня капитализации находящихся в распоряжении ресурсов посредством либо накопления специфического человеческого капитала, либо встраивания в определенные социальные сети и т.п. В этих узлах формируется спрос на институты нового типа: институты защиты прав собственности, институты рынка инновационной продукции, институты современного финансового рынка, на гибкость трудовых отношений и т.п.

Сохранились в современной российской экономике, и даже в начале 2000-х годов получили новый импульс к развитию, центры индустриальной экономики, связанные между собой достаточно плотной сетью производственных отношений, основанных на специализации и кооперации производства, а также сохранившейся сетью социальных отношений

⁵ Под институциональной средой здесь понимается взаимосвязанная система формальных и неформальных ограничений, которая формирует набор альтернатив для хозяйственных субъектов (Норт, 1997, 92).

⁶ Здесь мы отталкиваемся от положения Левина С.Н. о наличии различных наборов правил в современной российской экономике: «Сегментация экономики обусловлена тем, что задающие ориентацию на развитие рыночных начал формальные нормы модифицируются государственно-патерналистскими и корпоративно-патерналистскими правилами преимущественно неформального типа в рамках “территориальных” и “производственных сетевых структур”» (Левин, 2007, 236).

(профессиональных, хозяйственных, политических и т.п.). Эти центры как сосуществуют на одной территории с узлами сети постиндустриальной экономики (например, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск и т.п.), так и имеют отдельное от них пространственное расположение. Связи между этими центрами, хотя и были ослаблены в 1990-е годы, более сильные, чем между узлами постиндустриальной экономики. При этом проблема состоит в том, что в современной российской экономике эти две сети очень слабо взаимодействуют друг с другом. К настоящему времени так и не сформировался ни один полноценный отраслевой кластер, интегрирующий научные, исследовательские, образовательные, производственные и инфраструктурные предприятия и организации в единое целое.

Институциональная среда сети индустриального производства отличается некоторым единством, вне зависимости от регионального размещения его основных узлов. Индивидуальные экономические стратегии работников здесь включают ориентацию на получение определенной профессии, востребованной на данной территории (например, шахтерские специальности в Кузбассе); на долговременное обустройство на определенной территории; на работу на определенном предприятии. Соответственно, предприятия этого сектора склонны вкладывать в систему профессиональной подготовки на предприятиях, ориентированы на закрепление кадров в условиях их возникающего дефицита. Здесь формируется спрос на защиту национального производства в системе международных экономических отношений, на активную промышленную политику государства, на институты развития, на укрепление связей профессионального образования с производством, на активную социальную политику.

Третий тип локальной институциональной среды складывается на депрессивных территориях, а также на территориях примитивного хозяйствования. Это — территории, практически выпавшие из сетей постиндустриальной и индустриальной экономик. Население данных территорий и расположенный здесь бизнес ориентированы на выживание, на отъезд в другие регионы. Здесь широко используются механизмы социальной экономики, т.е. взаимопомощи, взаимной поддержки домохозяйств по каналам существующих социальных сетей. Спрос на новые институты здесь не формируется, зато существует огромный спрос на бюджетные вливания. Такими территориями являются как наиболее отсталые регионы (например, Республика Тыва, Камчатский край, Республика Алтай и т.п.), так и отдельные районы во вполне благополучных регионах и даже отдельные поселения.

Таким образом, существование качественно неоднородных институциональных сред российской экономики, рассредоточенных по территории страны, можно определить как **сегментацию**, которая характеризуется наличием существенных границ, разделяющих хозяйствующих субъектов по реализуемым стратегиям экономического действия, приводящих к появлению спроса на различные институты и различную промышленную и социальную политику государства (табл. 1). При этом весьма серьезной ошибкой стала бы ориентация на удовлетворение спроса на институты, возникающего лишь в одном из сегментов. Столь же ошибочным является и подход, когда федеральный центр выстраивает институты постиндустриальной экономики, а регионам делегирует полномочия по выстраиванию институтов индустриальной экономики и по помощи в выживании депрессивным территориям. Политика по предложению институтов должна быть более тонкой и направленной как на внутрироссийскую интеграцию постиндустриального сектора, так и на интеграцию сети постиндустриальной экономики с индустриальным сектором. Для этого предстоит пройти по пути доиндустриализации («новой индустриализации») страны и более полного экономического освоения ее пространства, а значит, и создать недостающие для индустриального сектора институты.

Вторая линия локализации институциональной среды российской экономики пролегал между регионами, отличающимися в целом однотипной институциональной средой (с преобладанием норм поведения и институтов индустриального типа), но обособляющейся по причине укорененности экономического действия хозяйствующих субъектов в социальных сетях и хозяйственной культуре, сложившихся на определенной территории. Как показывает анализ существующих социальных практик, в различных регионах реализуются весьма сходные модели взаимодействия власти и бизнеса. Им характерны (*Курбатова и Левин, 2007, 256–263*): дофинансирование в самых различных формах территорий за счет бизнеса; обусловленность вхождения бизнеса на определенную территорию различными

требованиями власти; заключение договоров о партнерстве (социально-экономическом сотрудничестве) между властью и бизнесом; давление на предприятия в интересах повышения уровня оплаты труда и т.п. Лидерами реализации подобных социальных практик являются главы регионов (Краснодарского края, Татарстана, Башкортостана, Москвы, Кемеровской области и т.п.). Они формируют модель региональной экономики, в которой региональная власть выступает как «хозяин территории» и активно прибегает к «ручному управлению».

Таблица 1

Сравнительная характеристика спроса на институты в постиндустриальном и индустриальном секторах

Институты	Индустриальный	Постиндустриальный
Институты собственности	Институты защиты прав собственности на материальные активы	Институты защиты прав интеллектуальной собственности и в целом – на нематериальные активы
Институты регулирования социально-трудовых отношений	Институты гарантий трудовых прав работника, обеспечения стабильности занятости	Институты, обеспечивающие гибкость социально-трудовых отношений, рынка труда, а также институты мобильности работника
Институты регулирования инвестиций в человеческий капитал	Институты, обеспечивающие общественные и частные инвестиции в профессиональное образование. Институты закрепления квалифицированных кадров на предприятиях	Институты частных инвестиций в человеческий капитал и повышения уровня его капитализации в торгах с работодателями
Институты системы рынков	Институты кооперации производства, формирования цепочек производства стоимости. Институты концентрации финансового капитала	Институты рынка инновационной продукции, институты современного финансового рынка, перелива капиталов и перераспределения контроля собственности
Институты в сфере государственной экономической политике	Институты промышленной политики, в том числе создания стимулов и инструментов развития	Институты либерализации и открытости экономики
Институты в сфере социальной политики	Институты государственной системы социальных гарантий и корпоративные социальные программы	Институты самозащиты работника, институты частных сбережений

Однако однотипность формирующихся при этом правил взаимодействия хозяйствующих субъектов и норм поведения автоматически не создает единого институционального пространства. Это связано с тем, что подобные нормы и правила укоренены в локальных социальных сетях региональной элиты, региональной власти и бизнеса. Подчинение этим правилам игроков федерального уровня обеспечивается сильными властными позициями глав регионов, опять же обеспеченными их центральным местом в региональной сети власти и бизнеса, а также ролью одного из центральных узлов федеральной власти, которая обеспечивает им сильные лоббистские позиции.

Подобное расчленение институционального пространства можно определить как **локализацию** институциональной среды. В то же самое время, пролегающие между институциональными средами границы не препятствуют формированию общего спроса на новые институты. Именно из крупных индустриальных центров с сильной региональной властью идет запрос на соответствующую промышленную политику, защиту национального производителя, на активную социальную политику, на пересмотр межбюджетных отношений и т.п.

Таким образом, оценивая институциональную среду современной российской экономики, мы можем заметить, что институты собственно постиндустриальной экономики в ней развиты слабо, более того, нет и существенного спроса на них. Зато существует мощное обоснование необходимости развития подобных институтов как наиболее эффективных, формирующих конкурентоспособность российской экономики и условия для при-

влечения в страну иностранных инвестиций⁷. В связи с этим возникает вопрос, смогут ли прижиться соответствующие институты, появление которых инициирует федеральная власть? Вероятнее всего, нет. Появление подобных институтов должно подкрепляться дальнейшим усилением институтов индустриальной экономики. Иначе же они лишь будут расширять каналы оттока ресурсов по формирующейся глобальной сети потоков ресурсов и информации.

3. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Проблемы сегментации и локализации институциональной среды российской экономики рассмотрим более подробно на примере социально-трудовых отношений. Как показывает сложившаяся к середине 2000-х годов ситуация, выполнение целого ряда экспортных и отечественных заказов в российской обрабатывающей промышленности, одного из генераторов спроса на высокие технологии, связано с дефицитом конструкторов, инженеров, высококвалифицированных рабочих. Состояние современного российского рынка труда и системы социально-трудовых отношений становится одним из серьезных тормозов дальнейшего развития страны. Оно ведет к удорожанию труда (причем крайне неравномерному вследствие структурных перекосов рынка труда) и росту трансакционных издержек реализации трудового контракта.

Развитие постиндустриального сектора предполагает усиление тенденций к росту гибкости социально-трудовых отношений, в то время как зрелая индустриальная экономика основывается на фордистской модели трудовых отношений, предполагающей их определенную жесткость. Эта жесткость обеспечивается активным государственным регулированием рынка труда, высокой ролью профсоюзов в достижении баланса интересов работников и работодателей, готовностью последних к предоставлению гарантий занятости в обмен на более высокую производительность и снижение уровня конфликтности трудовых отношений. Постиндустриальный сектор требует более свободной контрактации в сфере трудовых отношений, в нем формируется спрос на дерегулирование рынка труда и либерализацию трудового законодательства. В индустриальном секторе, напротив, формируется спрос на более жесткие нормы трудового законодательства и жесткий инфорсмент трудовых прав и свобод работника.

В то же самое время вопросы социально-трудовых отношений и рынка труда все годы рыночных преобразований находятся на периферии государственной экономической и социальной политики. При этом за подобным невниманием практически скрывается стратегия их либерализации. Однако, как показывает опыт развития российской экономики, в условиях сегментированной и локализованной институциональной среды преждевременное формирование институтов либерального рынка труда (как целенаправленная попытка при принятии ТК РФ, либо как спонтанный процесс при попустительстве в вопросах защиты установленных законодательством трудовых прав работника) чревато самыми неожиданными результатами. К ним можно отнести как разрыв нормативной и реальной моделей рынка труда (Капелюшников, 2003), деформализацию правил взаимодействия работника и работодателя, так и формирование региональных систем регулирования рынка труда, стабилизирующих трудовые отношения и обеспечивающих его соответствие потребностям развития территорий. В условиях фактического отсутствия какой-либо последовательной политики российского государства по регулированию трудовых отношений, их функционирование приспосабливается к потребностям развития региональной экономики, происходит сегментация и локализация соответствующей системы норм и правил. Рассмотрим это более подробно на примере инфорсмента трудового законодательства.

Исследование, проведенное Н.Т. Вишневской и Р.И. Капелюшниковым, показало, что «в российских условиях инфорсмент, осуществляемый тремя ведущими институтами — судебной системой, инспекциями труда и профсоюзами, имеет глубоко локальный, вариативный характер». При этом «межрегиональные вариации носят не случайный характер, а обусловлены особенностями функционирования местных экономик и местных

⁷ Другой вопрос состоит в том, что если страна не в состоянии переварить собственные экспортные доходы, то зачем ей поток иностранных инвестиций. При этом, как показывает практика, наиболее успешные российские компании получают доступ к новым технологиям другими способами, в том числе и приобретением зарубежных активов.

рынков труда» (Вишневская и Капелюшников, 2007, 47–48). Так, по разным показателям инфорсmenta в регионах Российской Федерации, коэффициент вариации составляет от 40 до 60%.

Факторы подобного межрегионального различия в механизмах инфорсmenta пока недостаточно изучены. Среди них можно выделить: разную отраслевую структуру экономики, различия в конъюнктуре рынка труда, сложившиеся переговорные позиции сторон, разную образовательную и социальную структуру населения, исторически сложившиеся в регионах поведенческие стратегии хозяйствующих субъектов и неформальные нормы взаимодействия работников и работодателей; различия в уровне развития и стратегиях, реализуемых субъектами инфорсmenta (судами, органами государственной инспекции труда, профсоюзами), различные «истории успеха» применения формальных норм, политика региональных властей в регулировании трудовых отношений. Все эти факторы ведут к сегментации и локализации институциональной среды, в которой функционируют региональные рынки труда.

Например, Кемеровская область имеет ярко выраженный индустриальный характер экономики. Соответственно, отраслевая структура занятости складывается в пользу занятости в промышленности. Образовательная структура несколько хуже, чем в целом по России: лица с высшим образованием составляют 20,4%, а с неоконченным высшим — 1,3% занятых, по сравнению с 23,6% и 2,0% в среднем по России⁸. По индексу развития человеческого потенциала область занимает 35-е место среди регионов РФ, имея индекс образования ниже среднего по России (0,890 по сравнению с 0,906) (Александрова и Бобылев, 2007, 128–129). При этом в области проводится достаточно активная политика регулирования рынка труда, основанная на принуждении бизнеса к поддержанию уровня занятости населения и к улучшению ее условий. Все это неизбежно отражается на сложившейся в области конфигурации механизмов инфорсmenta.

Примечательно, что, по данным Н.Т. Вишневской и Р.И. Капелюшникова, по значительному числу показателей инфорсmenta наименьшие значения имеет Москва (по 6 из 22 показателей), по большинству других показателей она близка к минимальным значениям (Александрова и Бобылев, 2007, 49–78). Это можно считать косвенным свидетельством того, что в Москве ситуация на рынке труда близка к свободной контрактации, при которой работник прибегает к самозащите посредством смены работодателя. В условиях дефицита кадров он защищен редкостью ресурса труда, поэтому его переговорные позиции нуждаются в значительно меньшей поддержке со стороны гарантов соблюдения трудового законодательства.

Интересная картина с использованием различных механизмов инфорсmenta складывается в Кемеровской области. Здесь ниже среднего по России уровень исковой активности, особенно по заработной плате. Зато показатели деятельности государственной инспекции труда — выше (по количеству инспекторов, по количеству проведенных ГИТ проверок организаций, по количеству выявленных нарушений и выданных нарушителям предписаний). При этом если за период 2001–2005 гг. в целом по России количество проверок ГИТ в год сократилось с 255,6 тыс. до 252,2 тыс., а также уменьшилось количество выявленных правонарушений (с 2,2 млн до 1,9 млн) (Александрова и Бобылев, 2007, 27), то в Кемеровской области количество проверок выросло с 4585 в 2001 году до 5831 в 2005 году, а количество выявленных нарушений выросло за тот же период с 48309 до 49720 (Лапицкая, 2006, 210, 212). Значительно выше средних по России в области оказались и показатели деятельности профсоюзов по выявленным нарушениям трудового законодательства.

Таким образом, в Кемеровской области государственная инспекция труда и профсоюзы оказываются относительно более сильными субъектами инфорсmenta трудового законодательства, чем в целом по России, а суды — более слабыми (табл. 2).

Проведенные в области исследования показывают невысокую популярность суда как инстанции разрешения трудового конфликта. Так, по результатам опроса работников на одном из угольных предприятий Кемеровской области, лишь 7,7% опрошенных готовы обратиться в суд в случае возникновения индивидуальных трудовых конфликтов. Тем не менее количество трудовых дел в судах имеет тенденцию к росту. При этом анализ деятельности судов в Кемеровской области показывает, что достаточно велика доля дел,

⁸ Экономическая активность населения России (по результатам выборочных исследований), 2006: Стат.сб./ Росстат. — М., 2006, 53, 55.

когда истец (работник) отказался от иска либо дело закрыто по процессуальным причинам. Однако большинство трудовых споров, если они доходят до рассмотрения, выигрывает работник (табл. 3).

Таблица 2

Сравнительная характеристика различных механизмов инфорсменты трудового законодательства в среднем за период 2002–2005 гг., в %

Показатели	РФ	Кемеровская область
Трудовые споры, рассмотренные судами, как % от общего числа нарушений, выявленных ГИТ	30,2	18,6
Нарушения трудового законодательства, зафиксированные профсоюзами, как % от общего числа нарушений, выявленных ГИТ	2,8	5,7
Нарушения трудового законодательства, зафиксированные профсоюзами, как % от общего числа трудовых споров, рассмотренных судами	9,1	35,3

Источник: Вишневская Н.Т. и Капелюшников Р.И. (2007). Инфорсмент трудового законодательства в России: динамика, охват региональная дифференциация. Препринт WP3/2007/02. — М.: ГУ-ВШЭ, 73, 77.

Таблица 3

Результаты рассмотрения трудовых споров судами общей юрисдикции

Разрешение трудового спора	Количество трудовых споров, в %
1. Разрешено трудовых споров в пользу работника (включено как полное удовлетворение иска, так и частичное, достижение мировых соглашений)	68
2. Отрицательное разрешение спора (признано отсутствие вины работодателя)	6
3. Истец отказался от иска	13
4. В ходе судебного расследования выяснилось, что пропущен исковой срок обращения в суд, дело закрыто	3
5. Дело закрыто в связи с неявкой истца в суд без уважительных причин	10
6. Общее количество дел	100

Источник: Лапицкая О.В. (2006). Особенности инфорсменты трудового контракта на российском рынке труда. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. — Кемерово, 144.

В целом же статистические данные показывают, что удовлетворяемость исков зависит от категории трудовых споров. Так, обычно по делам о взыскании заработной платы она составляет от 97 до 99%. Анализ архивных дел в судах г. Кемерово и г. Новокузнецка выявил, что наиболее частыми нарушениями являются: необоснованные увольнения работников (58% дел) и невыплата заработной платы (24% дел). Исследования Р. Капелюшников и Н. Вишневской показали, что в структуре трудовых споров дела о заработной плате составляют 82,8%, а споры о восстановлении на работе — 4,7%. Следует отметить важное отличие в этом вопросе Кемеровской области — меньшее количество дел, связанных с невыплатой заработной платы. Как будет показано ниже, это объясняется распространением неформальных практик восстановления нарушенных прав работников в вопросах, связанных с заработной платой. Фактически здесь происходит замещение одного субъекта инфорсменты (формального) другим (неформальным).

Как было отмечено выше, в Кемеровской области зафиксирован рост числа проверок, проводимых ГИТ, а также рост доли проверок, проводимых совместно с другими организациями: с прокуратурой, с Госгортехнадзором, с Госэнергонадзором, с Госсанэпиднадзором, с пожарным надзором, с Архстройнадзором, с налоговой инспекцией, со службой занятости, с профсоюзами, с другими органами (табл. 4). Вырос объем налагаемых штрафов и количество попыток привлечения работодателей к уголовной ответственности. В 2000 году было направлено в органы прокуратуры 324 материалов для привлечения к уголовной ответственности, а в 2004 году — уже 866 (581 в 2005 году). Средний размер наложенных штрафов — мизерный: на протяжении 2002–2004 гг. — не более одной

тысячи рублей, и лишь в 2005 г. он вырос до 1263 рублей. Такие санкции, как привлечение к уголовной ответственности и дисквалификация работодателей, применяются крайне редко. Наиболее распространенной санкцией является привлечение к административной ответственности.

Таблица 4

Результаты деятельности Рострудинспекции по Кемеровской области

Показатели	2000	2001	2002	2003	2004	2005
1. Проведено различных проверок	3826	4585	5058	5743	6283	5832
Из общего количества проверок проведено совместно (в%):						
1.1. с прокуратурой	1,6	1,5	2,4	2,4	7,4	19,4
1.2. с Госгортехнадзором	5,0	6,2	4,9	4,9	6,5	6,8
1.3. с Госэнергонадзором	1,3	1,5	0,6	1,0	0,6	7,5
1.4. с Госсанэпиднадзором	1,5	3,8	0,7	1,2	1,3	2,8
1.5. с пожарным надзором	1,5	0,6	0,5	0,5	0,4	1,3
1.6. с Архстройнадзором	-	0,08	0,03	0,03	0,22	0,5
1.7. с органами по труду	6,6	7,7	8,4	11,0	11,8	27,8
1.8. с налоговой инспекцией, с финансовыми органами	-	0,1	0,9	0,9	0,6	1,0
1.9. со службой занятости	0,2	-	0,07	0,3	0,2	2,7
1.10. с профсоюзами	5,8	7,8	4,9	5,9	7,9	17,0
1.11. с другими органами	0,7	1,6	1,2	3,6	3,9	13,2
2. Наложено административных штрафов на юридических, должностных лиц	1340	2390	3346	3598	4010	3827
3. Средний размер наложенных штрафов, тыс. руб.		0,666	0,753	0,851	0,941	1,263
4. Направлено в суды протоколов для привлечения к ответственности лиц, виновных в административных правонарушениях	—	—	—	8	79	69
5. Привлечено по результатам проверок к дисциплинарной ответственности работников организаций	643	661	601	522	722	728
7. Направлено в органы прокуратуры материалов для привлечения к уголовной ответственности	324	436	607	645	866	581

Исследование Н.Т. Вишневской и Р.И. Капелюшника выявило активизацию деятельности судебной системы при затухании деятельности ГИТ. Это проявилось в росте трудовых споров, рассматриваемых судами по отношению к нарушениям, установленным ГИТ (с 24% до 37%) (Вишневская и Капелюшников, 2007, 42). В Кемеровской области в среднем за 2001–2005 годы этот показатель ниже — 18,6%, т.е. ГИТ более активна по сравнению с судами, чем в целом по РФ. Эта большая активность ГИТ поддерживается администрацией Кемеровской области, которая координирует действия субъектов инфорсmenta, а также обеспечивает их дополнительной информацией. По предложению Департамента труда администрации Кемеровской области в план работы совместных проверок государственной инспекции труда дополнительно включаются организации, имеющие задолженность по заработной плате. Одним из каналов получения информации о нарушениях трудового законодательства в области стало обращение к губернатору Кемеровской области А.М. Тулееву, на информационно-новостной сайт «Кузнецкий тракт»⁹. Письма губернатору о нарушениях трудовых прав обычно пересылаются в государственную инспекцию труда.

Исследования Н.Т. Вишневской и Р.И. Капелюшника показали, что в среднем по стране за период 2001–2005 гг. по отношению к нарушениям, выявленным ГИТ, профсоюзы выявляют 1–4% нарушений. В Кемеровской области — 5,7%. Профсоюзы фиксируют 5–15% от общего числа споров, рассматриваемых в судах, в Кемеровской области —

⁹ См.: <http://www.mediakuzbass.ru/tuleev/letter/>

35,3%. Это означает, что в области профсоюзы оказываются сравнительно более сильным субъектом инфорсента, чем в целом по России, что также является результатом поддержки, оказываемой профсоюзам региональной властью. Так, 19 апреля 2007 года было подписано Кузбасское трехстороннее Соглашение между областным административным органом, работодателями и руководителями профсоюзных организаций на 2007–2009 годы. Первый заместитель губернатора В.П. Мазикин обратился к руководителям предприятий и предпринимателям с требованием неукоснительно соблюдать трудовое законодательство в части выплаты заработной платы, а профсоюзные организации попросил не быть в стороне от решения этой проблемы. Среди вопросов, которые необходимо решить совместными усилиями властей, работодателей и профсоюзов, выделена проблема «серых зарплат», большое внимание уделено вопросам обеспечения охраны труда и созданию безопасных условий работы¹⁰.

Отдельно следует отметить деятельность сформированной в августе 2003 года областной комиссии по координации политики оплаты труда на предприятиях и в организациях области, которая стала серьезным субъектом инфорсента трудового законодательства. Она функционирует при Департаменте труда областной администрации, аналогичные комиссии работают во всех территориях области. Для достижения целей, поставленных перед комиссией (обеспечения роста потока налоговых поступлений, в том числе в социальные фонды), к работодателям сформулировано требование о повышении минимальной заработной платы до размера прожиточного минимума. По Кузбасскому соглашению 2007 года — до 1,5 прожиточных минимумов. Прямой эффект работы комиссии — рост заработной платы, погашение задолженности по выплатам, рост сборов по налогам, определяемых фондом заработной платы. В качестве косвенного эффекта можно выделить улучшение деятельности основных субъектов инфорсента за счет налаженного, более широкого их взаимодействия на рынке труда.

Работа комиссии по координации политики оплаты труда на предприятиях и в организациях области позволяет координировать работу различных организаций и учреждений, регулирующих региональный и местный рынок, побуждать работодателей к повышению заработной платы, выведению ее из «тени», активно формировать общественное мнение, в том числе и через СМИ о «плохих» и «хороших» работодателях. При этом в общем взаимодействии надзорных органов повышается эффективность их деятельности, в том числе и прокуратуры, которая широко использует неформальные инструменты воздействия — звонок прокурора работодателю, угроза проведения проверки на предприятии и т.п. Работники прокуратуры Кемеровской области отмечают, что им сегодня приходится все чаще использовать неформальные инструменты. Из беседы с работником прокуратуры: «У нас есть свои инструменты, как заставить работодателя восстановить нарушенные права работника». В пресс-службе прокуратуры отмечают, что в процессе следствия многие обвиняемые находят возможности восстановить нарушенные права работников, даже если эти права не были зафиксированы формально (*Латицкая*, 2006, 147). В данном случае формальный субъект инфорсента трудового законодательства действует неформальными методами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в области сформировалась система инфорсента контрактного взаимодействия работников и работодателей. В нем координирующую роль играет областная администрация. Формируется особая конфигурация субъектов инфорсента, происходит определенное перераспределение функций по инфорсенту контрактного взаимодействия между его формальными субъектами, между его формальными и неформальными субъектами.

В целом, в области на рынке труда складывается система отношений, больше характерная для индустриального типа производства. Работодатель, в интересах стабилизации трудовых отношений, вынужден брать на себя более высокие социальные обязательства. К этому его подталкивает и проводимая региональной властью политика. Заключаемые между администрацией области соглашения о социально-экономическом сотрудничестве возлагают на работодателя определенные обязательства в сфере социально-трудовых отношений. Более жесткие нормы регулирования трудовых отношений по сравнению с ТК РФ устанавливаются в Кузбасском трехстороннем Соглашении. В результате в сфере трудовых отношений в области ужесточаются и нормы, и инфорсент (насколько это возможно

¹⁰ См.: Пресс-релизы Администрации Кемеровской области (<http://www.kemerovo.su/Press/viewtext.asp?C29113=0n>).

в условиях широкого распространения практик деформализации отношений между работником и работодателем, характерных современному российскому рынку труда). Фактически это означает развитие институтов индустриального, а не постиндустриального типа.

Подобная система мер стабилизирует социальную обстановку в области, снижает риски для ведения бизнеса. Она является ярким примером как сегментации, так и локализации институциональной среды. С одной стороны, более жесткие нормы в области трудовых прав работника в сочетании с более жестким инфорсментом отличают данную региональную систему институтов от институтов свободной контрактации, которая формируется на московском рынке труда. С другой стороны, неформальные механизмы ужесточения норм и инфорсмента укоренены в существующей в области хозяйственной культуре индустриального типа (тяжело-индустриального) и в сложившейся социальной сети взаимодействия работников администрации, органов надзора и судебных органов. Кроме того, она интегрирована и легализована авторитетом губернатора, являющегося сильнейшим региональным лидером, не имеющим какой-либо реальной оппозиции.

* * *

В условиях разнородности институциональной среды современной российской экономики и наличия различного по интенсивности и направлениям спроса на новые институты, изменения институциональной среды в настоящее время происходят преимущественно спонтанно. Это связано с тем, что в 1990 — начале 2000-х годов федеральная власть, поставив задачи формирования институтов западного типа, необоснованно восприняла и повестку дня институционального развития постиндустриальной экономики. Фактически задачи институциональной поддержки индустриальных структур, их инфраструктуры были переданы на региональный уровень. На этом уровне, в тех регионах, где региональная власть оказалась достаточно сильной, сформировались в целом однотипные институты поддержки индустриального сектора экономики и адекватных ему трудовых и производственных отношений. Это, безусловно, позволило стабилизировать экономическую и социальную ситуацию в регионах, обеспечить стабильность, необходимую для развития бизнеса. В то же самое время этого явно недостаточно. От федеральной власти в настоящее время требуется программа институциональных преобразований, направленная как на внутрirosсийскую интеграцию существующего постиндустриального сектора, так и на его интеграцию с индустриальным сектором экономики. Прежде всего, речь должна идти о создании институтов, поддерживающих становление и развитие современных структур инжиниринга и инфраструктурного обустройства территорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг. — М.: «Дело Лтд», 1994.
- Вишневская Н.Т.* Инфорсмент трудового законодательства в России: динамика, охват, региональная дифференциация / Н.Т. Вишневская, Р.И. Капелюшников; препринт WP3/2007/02. — М.: ГУ-ВШЭ. 2007.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006/2007 гг. / под общей редакцией проф. С.Н. Бобылева и А.Л. Александровой. — М.: Весь мир, 2007.
- Капелюшников Р.* Российская модель рынка труда: что впереди? / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. — № 4. — 2003.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Курбатова М.В.* Деформализация взаимодействия власти и бизнеса / М.В. Курбатова, С.Н. Левин // Модернизация экономики и государство: В 3 кн. /отв. ред. Е.Г. Ясин. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — Кн. 3
- Лапицкая О.В.* Особенности инфорсмента трудового контракта на российском рынке труда. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / О.В. Лапицкая. — Кемерово, 2006.
- Левин С.Н.* Формирование конституционных правил в экономике России / С.Н. Левин. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007.
- Маркс К.* Предисловие к первому изданию «Капитала» // Маркс К. Капитал. Т. 1. — М.: Политиздат, 1978.

Маршан П. Метрополисы и экономическое развитие России / П. Маршан, И. Самсон // Вопросы экономики. — № 1. — 2004.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М.: Фонд экон. книги «Начало», 1997.

Нуреев Р.М. Институциональная экономика / Р.М. Нуреев. — М.: ИНФРА-М, 2005.

Пресс-релизы администрации Кемеровской области [Электронный ресурс]. — Электронные дан. — Режим доступа: <http://www.kemerovo.su/Press/viewtext.asp?C29113=On>, свободный.

Экономическая активность населения России (по результатам выборочных исследований), 2006: Стат.сб./Росстат. — М., 2006.